

История философии

61. Процессная философия Уайтхеда.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

В любом случае, на этой неделе мы сосредоточимся на Уайтхеде, философии процесса и теологии процесса, поскольку Штумпф в той же главе рассматривает двух философов процесса — Бергсона и Уайтхеда. Я выбрал Уайтхеда в качестве основного направления просто из-за его очень сильного влияния на развитие теологии процесса. Мы увидим её зачатки у Уайтхеда, а позже я прокомментирую некоторые её аспекты.

Но Уайтхед, без сомнения, из этих двоих оказал наибольшее влияние во второй половине XX века. Вы ещё не начали читать Уайтхеда. Полагаю, это означает, что вы даже не начали читать главу Штумпфа, в которой он представляет Уайтхеда.

Итак, он начал свою карьеру как математик в Кембридже. Позже он стал философом науки в Лондонском университете. А в возрасте 63 лет, когда он подумывал о выходе на пенсию, он стал профессором философии в Гарварде, где проработал, кажется, около 15 лет.

А когда он наконец вышел на пенсию, он продолжал жить там, в тени Гарвардского двора, и был открыт для студентов и преподавателей, поэтому беседы с Уайтхедом с этого момента записывались до самой его смерти, кажется, в возрасте 88 лет. Он родился в 1859 году, кажется. Позвольте мне начать с того, что я расскажу о тех факторах, которые сформировали его мышление.

И первое — это философия Гегеля, которую я называю эволюционным идеализмом Гегеля. Вы, конечно, понимаете, что такое идеализм у Гегеля. Эволюционный — да, потому что он делает акцент на историческом развитии.

ряд Идеалистов XIX века и их последователей, о которых мы говорили на прошлой неделе перед каникулами, можно считать эволюционными идеалистами. Да, они разделяют теорию эволюции, естественный отбор, если хотите, или различные другие формы теории эволюции. Но они не являются философскими натуралистами, метафизическими натуралистами.

Они идеалисты. Поэтому, по мнению этих людей, теория эволюции совместима с натурализмом, совместима с идеализмом. И их точка зрения заключается в том, что, хотя лежащая в основе реальность имеет природу духа, абсолютного духа в случае Гегеля, существуют различные степени, в которых этот нематериальный, свободный, созидательный дух полностью проявляется в явлениях природы, человеческого существования и человеческой истории.

Таким образом, эволюционный процесс, биологическая эволюция, культурная эволюция, весь эволюционный процесс в целом понимается как диалектическое развертывание абсолюта, до точки, где эта свобода духа становится не просто неявной, а бессознательной. Поэтому самосознательное выражение свободного, творческого духа в культуре является вершиной, к которой движется эволюционный процесс.

Однако подобная эволюционная мысль существовала в идеалистическом контексте. Поэтому сознание является ключом, базовой моделью. Что же представляет собой это разворачивающееся самосознание? Вот в чём суть.

И очевидно, что разворачивающееся самосознание не является субстанцией. Гегель рассматривает дух не как неизменную субстанцию, а как творческий процесс. Это не субстанция, а процесс.

Таким образом, происходит изменение основного понятия реальности от неизменности некой базовой субстанции. Будь то вода Тали, или что-то еще, или мыслящая сущность Декарта, или что-то еще. От неизменной субстанции к некоему диалектическому процессу, который, как у Гегеля, имеет общую логическую структуру, но не имеет неизменной субстанции.

Понимаете, неизменна структура процесса, а не его содержание. У Гегеля это переводится в понятие процесса, предложенное Уайтхедом. И, подобно Гегелю, он занимается феноменологией процесса.

Иными словами, феноменология сознания. Описательное изложение того, каков этот процесс, какова структура событий, составляющих этот процесс. И этот процесс не является чем-то механистическим, как в науке XVIII века.

Но эта модель скорее органична, чем механистична. Она больше похожа на процесс роста, чем на машину. И компоненты не являются атомистическими в том смысле, что не имеют существенных связей ни с чем другим.

Но составляющие здесь — это скорее взаимоотношения, чем изолированные атомы. Таким образом, сущность — это скорее единица взаимоотношений, чем что-либо еще. Что ж, именно это и происходит в эволюционном идеализме.

И всё это переводится в учение Уайтхеда. За исключением идеализма. Видите ли, Уайтхед говорит, что собирается перевести это, перенести в натуралистическую метафизику.

Таким образом, он не собирается быть эволюционным идеалистом, а будет эволюционным натуралистом. По крайней мере, так он заявляет. Изменится ли

это к концу его жизни, когда концепция Бога начнет занимать более важное место в его мышлении, — это уже другой вопрос.

Но, по крайней мере, его намерением при разработке метафизики был эволюционный натурализм. На самом деле, гегелевским мыслителем, оказавшим на него наибольшее влияние, был Ф. Х. Брэдли. А те из вас, кто пропустил последний день занятий, навсегда останутся в нищете, потому что именно тогда мы говорили о Ф. Х. Брэдли.

На кого прямо ссылается Уайтхед, а не на Гегеля. И в материалах Брэдли, которые есть в антологии Гарднера, вы заметите, что Брэдли говорит о явлениях и качествах, о различии между субстанцией и качеством, и тому подобном как о чистой абстракции. Не о конкретной реальности как таковой.

И Уайтхед с этим согласен. Таким образом, по сути, с тем, что вы находите в антологии у Брэдли о мире явлений как об абстракции, а не о конкретной реальности, Уайтхед согласен. Он не согласен с идеализмом Брэдли.

Но в остальном, он должен взять это на себя. Брэдли утверждает, что эмпиризм классического типа, зародившийся у Джона Локка, виновен во всевозможных ошибочных абстракциях, в разграничении первичных и вторичных качеств. Что ж, даже Брэдли показал, что это абстракция, неверная даже в отношении реального опыта.

Различие в качестве субстанции. Думаю, Беркли показал, что это абстракция, потому что как узнать, что такое субстанция, если известны только её качества? То, что я знаю, а не то, что я знаю. Это абстракция. Различие между пространством и временем.

В современной физике это, безусловно, становится абстракцией. Репрезентативным знанием. Идеями, которые представляют собой нечто иное.

Абстракция. Таким образом, на протяжении всего повествования он видит существующую абстракцию. И когда Брэдли говорит о существовании степеней реальности в мире явлений, о различных степенях реальности в мире явлений, это именно тот язык, который нравится Уайтхеду.

Различные степени проявления. И мы продолжим обсуждение, когда перейдем к рассмотрению его градуализма. Существуют различные степени, в которых основная природа вещей явно проявляется в иерархии бытия.

Однако в этом эволюционном идеализме XIX века есть еще один аспект, который, возможно, не так явно выражен у Гегеля, хотя мы о нем и упоминали.

Мы часто склонны выделять именно его, и это романтизм XIX века. Я не уверен, что Уайтхед почерпнул это в большей степени из Гегеля, чем из Вордсворта.

Его дочь писала, что в его жизни был период, когда он читал Вордсворта так, словно это была Библия. Читать Вордсворта так, словно это была Библия. Она стала женой, кажется, священника Епископальной церкви, так что, вероятно, она знала, о чём говорит.

Но темы, характерные для творчества Вордсворта, пронизывают всё его творчество. Вы найдёте их в главе под названием «Романтическая реакция в науке и современном мире», где поэзии столько же, сколько и философии, включая поэзию самого Вордсворта. Потому что он противопоставляет философское содержание романтической реакции механистической науке и рационализму Просвещения.

И хорошо, это часть идеализма XIX века, но откуда Уайтхед это берет, становится довольно очевидным. И я обнаружил словесные сходства между стихами Уайтхеда и некоторыми выражениями в, я сказал, стихах Уайтхеда? В стихах Вордсворта. И в некоторых выражениях в творческом процессе Уайтхеда, который представляет собой его длинный технический труд по метафизике.

Это невероятно увлекательно. Поэтому, если вы хотите подробно изучить творчество Уайтхеда, я советую вам одновременно читать стихи Вордсворта. Это очень интересно.

Хорошо, это первое влияние. Второе влияние — современная наука. В конце концов, он был прежде всего математиком и учёным.

Он сотрудничал с Бертраном Расселом, кажется, в 1903 году, над работой, которая действительно ввела символическую логику в XX век. Работа называлась «Трактат». Бертран Рассел, нет, не «Трактат», именно он привел меня к созданию «Математических принципов».

«Principia Mathematica». Вот здесь у меня есть суфлер, чтобы мне помочь. «Principia Mathematica», «Основы математики».

В этой работе, над которой сотрудничали Рассел и Уайтхед, оба преподававшие в то время в Кембридже, по сути, показали, что математика сводится к формальной логике. И, следовательно, ввели математический символизм в формальную логику, чтобы устранить неоднозначность переменных и сделать возможными формализованные дедуктивные системы, которые так нравятся логикам.

Итак, он был прежде всего математиком, который, как и другие математики того времени, очень интересовался логикой и, следовательно, философией науки. И во время своего пребывания в Лондонском университете, где он преподавал философию науки, он опубликовал три работы по теоретической физике. Ну, по крайней мере, в той области, где теоретическая физика граничит с философией науки.

Итак, хорошо, он был очень увлечен этим. Что в современной науке влияет на философию? Одно из них, несомненно, — это биология развития. Как на макроуровне, теория эволюции, так и на микроуровне, генетика.

Биология развития. Он говорит о ней не так много, как о физике. Он был ближе к физике.

И вы обнаружите, что в книге «Наука в современном мире» он говорит о философском значении трех современных достижений в физике. Прежде всего, теория электромагнитного поля. Теория электромагнитного поля.

Таким образом, мы мыслим в терминах силовых полей, а не просто тел, обладающих гравитационным притяжением. Силовые поля. Во-вторых, квантовая физика.

Где основными единицами, если хотите, являются единицы энергии, а не твердые частицы материи. Квантовая физика. И, в-третьих, теория относительности Эйнштейна, включая теорию относительности пространства-времени, общую теорию относительности.

E равно mc^2 . Теория относительности. Профессор, который преподавал курс Уайтхеда, который я проходил в аспирантуре, сказал, что только два человека действительно понимают теорию относительности.

Не знаю, улучшилось ли что-нибудь за последние 200 лет или сколько там было. Но, по крайней мере, у него, похоже, что-то изменилось.

Вы проснулись? Хорошо. Но, по крайней мере, он, кажется, понимает теорию относительности. И он вплетает её в свою метафизику.

Удивительно. А теперь обратите внимание, что происходит. Здесь он скорее натуралист, чем идеалист.

Здесь его интересует современная физика. Поэтому, будучи натуралистом, интересующимся современной наукой, он стремится стать научным реалистом. Воспринимая науку как предварительное изложение реальности.

Идеалист придерживался феноменологического взгляда на науку. У Уайтхеда же взгляд на науку был реалистическим. И все же, похоже, у обоих одни и те же цели и задачи .

А именно, сохранение романтизированного взгляда на жизнь и природу. И, как мы увидим позже, настаивание на том, что нет окончательного разделения между фактом и ценностью. Мир природы полон ценностей .

Идеалист хотел сказать именно это и поэтому отверг научное объяснение реальности. Уайтхед тоже хочет сказать то же самое, но при этом принимает научное объяснение реальности. Почему? Потому что произошли изменения в современной науке.

Он утверждает, что биология развития, энергетическая физика и теория относительности позволяют нам говорить о том, что физические факты обыденного существования наполнены ценностью, смыслом и целью. Он возвращается к телеологической интерпретации научной вселенной.

Итак, перед нами философ-натуралист, который будет искать моральную и эстетическую ценность, присущую вещам. Да, он много говорит о науке в своих трудах. Он считает, что философия выполняет двойную функцию по отношению к науке.

Один из способов — критиковать научные абстракции. И снова это слово «абстракция». Абстракции, которые принимают какое-либо теоретическое понятие, например, равенство, за высшую реальность.

Ошибочная абстракция. Критика подобных абстракций является частью функции философии. И он критикует механистическую науку.

И вы обнаружите, что это основная функция первых шести глав книги, которую вы сейчас читаете. Но затем вторая функция заключается в том, чтобы позволить автору пустить в ход спекулятивное воображение. Основанное на современной науке.

Иными словами, экстраполировать научные данные в умозрительную метафизическую схему. И он сравнивает эти полёты умозрительного воображения с тем, какими были авиаперелёты в 1920-х годах. Если вы можете себе это представить.

А именно, вы парите высоко над облаками в этом головокружительном мире фантазий, в мире, пребывающем в воображении. Периодически, чтобы сориентироваться в мире фактов, вы будете спускаться ниже облаков и

определять, где находитесь. Думаю, сегодня, если бы он был прав, он бы сказал, что это проверка радаров или что-то в этом роде.

Иными словами, это полёты философских размышлений, метафизических размышлений. Но всегда отталкивающиеся от фактов науки и обыденного опыта и возвращающиеся к ним. К конкретному опыту.

Потому что он реалистично оценивает оба аспекта. Поэтому, если хотите, у него есть два типа эмпирических точек отсчета: наука и конкретный опыт.

Не абстракции эмпирика вроде Локка. А тот вид опыта, который мы можем феноменологически описать интроспективно. Самосознание — это окно в реальность.

Самоанализ. Поэтому, в свете этого, вы обнаружите, что он постоянно осуждает определенные заблуждения. Заблуждение о неуместной конкретности.

Ой-ой, я даже писать не умею. Ладно. Ошибка неуместной конкретности и ошибка простого определения местоположения.

Итак, если конкретное — это противоположность абстрактного, то можно понять, в чём заключается ошибка неправильной конкретизации. В том, чтобы приписывать конкретность чистой абстракции. Таким образом, ошибка неправильной конкретизации заключается в ошибочном принятии абстракций за реальные вещи.

Предположение, что на самом деле интеллектуальные абстракции, теоретические абстракции, обладают конкретным существованием. Это не так. Ошибка неуместной конкретности.

И он постоянно обвиняет в этом механистическую науку. Другая же ошибка — это заблуждение простого определения местоположения. Предположение о существовании фиксированных точек в однородном пространстве и времени ньютоновского типа.

Простое определение местоположения. Всё, что вам нужно сделать, это назвать координаты, и вы сможете найти объект. Непонимание того, что движение происходит как в пространстве, так и во времени.

А пространственные координаты меняются, изменяясь со временем. Теория относительности. Пространственная взаимосвязь со временем.

Следовательно, понятие простого местоположения, подобное тому, которое мы используем в географии, — это всего лишь абстракция, которая может быть

полезна на одних уровнях, но совершенно бесполезна на других. Так, согласно влиянию современной науки. Теперь третий пункт может вас удивить.

Александрийские отцы церкви. И вы можете спросить: что делает философ-натуралист, торгующий трудами александрийских отцов церкви? Он, по сути, пытается купить их Лагосскую доктрину. Вот чем он там занимается, покупает.

Он хочет приобрести Лагосскую доктрину. Он очень впечатлен платонизмом, особенно средним платонизмом.

идёт не столько о Платоне, сколько о среднем платонизме, который развил концепцию Лагоса, рассуждая об упорядоченной структуре природы. Чтобы понять суть, нужно немного вернуться назад.

Начнём с того, что, подобно тому как гегельянец хотел бы сказать, что вся последующая философия — это серия примечаний к Гегелю, Уайтхед в одном месте утверждает, что вся история философии — это серия примечаний к Платону. И вы начинаете понимать, что то, что он ценит в Гегеле, — это взгляд на процессы природы как на процессы, по сути, имеющие духовную природу, созидательные, но с лагосской структурой этих процессов, диалектической лагосской структурой. Но это лишь один из моментов, помогающих понять это.

довольно часто ездили на велосипедах в Рамсгейт.

И я думаю, что знал церковь, где он служил, хотя и не возвращался, чтобы проверить. Уайтхед, следовательно, вырос в этом доме. Когда он поступил в Кембридж в качестве студента, какое-то время он усердно читал теологию, а затем решил, что это не для него.

Он не смог это купить. Продал все свои книги по теологии, обратил внимание на математику и вместе с Бертраном Расселом учился в университете. Однако позже, в одной из своих поздних работ, опубликованной в 1930-х годах, в произведении под названием «Приключения идей», становится совершенно очевидно, что у него появился новый интерес к теологии, и в частности к Оригену и христианским платоникам Александрии.

Ориген, Климент, эта традиция. Средний платонизм тоже присутствует. И его привлекает концепция логоса и идея о том, что в эманациях от Бога, благих (а вы помните, что они не были ясны в отношении сотворения из ничего, в эманациях от Бога, благих), эта структура логоса переносится на каждое конечное проявление, как у стоиков, для которых существовал логос семенной, семенной логос в каждой отдельной детали.

Именно так объясняется упорядоченность природы , её благость. Бог сказал, что это хорошо. Главная тема платонизма — бытие есть благо.

Не обязательно становление, но бытие — это хорошо. И именно это, кажется, особенно привлекательно как способ найти основу для ценностей в мире фактов. Структура логоса.

Итак, эти три фактора. Позвольте мне сделать паузу и узнать ваше мнение, задать вопросы и получить уточнения. Помогает ли это вам вернуться в нужное русло после весенних каникул? Настроиться? Хорошо, достаточно понятно, что это за три фактора? Отлично.

Вот и всё. Хорошо, тогда наша следующая задача — задаться вопросом, что же это за метафизическая схема. Он разрабатывает её в полётах умозрительного воображения на основе конкретного опыта и современной науки. Итак, поскольку мы сказали, что он скорее натуралист, чем идеалист, но находится под глубоким влиянием идеалистов XIX века, и особенно романтических тем, как он собирается описать то, что является высшей реальностью? Он не говорит о высшей реальности как о единой реальности, а о множестве других.

Видите ли, это язык теиста. Высшая реальность — это Бог. Существуют и другие, меньшие реальности.

Это не язык Уайтхеда. Для Уайтхеда высшая реальность — это нечто, что пронизывает всё. И высшая реальность для него — это, как ни странно, творчество.

Вы говорите, что это не вещь. Это свойство. Что ж, вы правы, это не вещь.

Его подход не сводится к субстанции, к метафизике, к пониманию высшего как вещи. Является ли творчество свойством? Нет, не совсем. Это процесс.

Это процесс возникновения новизны. И в этом вся суть новизны. Творчество, новизна.

Будьте осторожны, это творчество, даже когда он развивает свою концепцию Бога гораздо полнее, чем в начале, — это творчество не Бог. Это не Бог. Что ж, для того, кто читал Брэдли, это не удивительно, потому что для Брэдли абсолют тоже не Бог.

Бог — это просто высшее проявление абсолюта. А для Уайтхеда Бог — это просто высшее проявление творчества. Теперь вы сразу понимаете, почему Бог Уайтхеда привлекателен для людей в нашей христианской традиции.

Видите ли, если Бог — высшее проявление творчества, то, похоже, его можно считать творцом. Но ладно, вышшим. Теперь, как же описать процесс творчества? Очевидно, что начать следует с описания какого-либо творческого события, а не с описания творчества в целом.

И точно так же, как и эти идеалисты, они смотрят сквозь призму самосознания на более широкие рамки реальности. Таким образом, Уайтхед пытается взглянуть на некое творческое событие, которое мы познаём из непосредственного опыта, интроспективно. Поэтому самым простым отправным пунктом, и, похоже, это для него парадигма на протяжении всего пути, является опыт чувственного восприятия.

Опыт чувственного восприятия. Обратите внимание, что именно с этого Гегель начинает свою феноменологию сознания. Субъективный дух.

Ощущение. И восприятие. И поскольку он описывает этот опыт чувственного восприятия интроспективно, он собирается дать нам феноменологическое описание чувственного восприятия.

Феноменологический метод, как у Гегеля. Феноменологический метод. Так что же он делает, описывая чувственное восприятие? Он различает в перцептивном опыте три модальности.

Восприятие в режиме. Понятно? Первый режим — это восприятие в режиме причинной эффективности. Второй режим — это восприятие в режиме непосредственной презентации.

Третий аспект — это восприятие в режиме символической референции. Развивая эту тему, как он это делает во многих местах, он всегда противопоставляет её теории восприятия Джона Локка. Когда Джон Локк описывает чувственное восприятие, что стоит на первом месте? Причинная эффективность или идеи? Что же в феноменологии, в сознании, что стоит на первом месте? Идеи.

Это отправная точка. В самом осознании этого. Это идеи.

А для Уайтхеда это совершенно неверно. Это ложь. Он называет это заблуждением о первенстве презентационной непосредственности.

Он любит называть вещи логическими ошибками. Кажется, это было в моде в 1910-х и 20-х годах. Ошибка, заключающаяся в том, что приоритет отдается непосредственности изложения.

Можно определить, что такое презентационная непосредственность. Идея, которая немедленно представляется сознанию. Когнитивный процесс.

Непосредственность представления информации — это когнитивное содержание, идея. В то время как причинно-следственная эффективность, очевидно, если мы её осознаём, то это скорее аффективное, чем когнитивное сознание. И это осознание менее ярко выражено в чувственном восприятии, я имею в виду визуальное восприятие, чем, например, в слуховом восприятии, где раздаётся громкий шум, а затем вы понимаете, что это такое.

Или в смысле осязания, где узнавание происходит медленнее. Но его мысль заключается в том, что если мы рассматриваем воспринимающего как все психосоматическое единство, весь человеческий организм, то с феноменологической точки зрения, с точки зрения сознания, исходным является причинно-следственная связь. Существует некий причинно-следственный эффект, который ощущается.

И, введенный в заблуждение ясностью чувственного восприятия, Локк говорил иначе. Но даже при зрительном восприятии, если свет достаточно яркий, он ощущается первым. Ослепительный свет.

Итак, приоритет отдается способу причинно-следственной эффективности. Обратите внимание, к чему это приводит. Видите ли, у Джона Локка идея возникла первой.

Затем возникает вопрос: что послужило причиной? И здесь необходима причинно-следственная связь чисто интеллектуального характера, исходящая из самой идеи, которая не ощущается, а именно воспринимается, и определяющая причину возникновения этой идеи. Иными словами, идея — это представление.

Надеюсь, это копия. А что именно вызывает это, мы не знаем. Приходится догадываться.

Есть ли причина? Мы не знаем. Это, следовательно, означает, что наше знание о реальности всегда косвенное.

Это должно быть логически выведено. Но для Уайтхеда, если причинно-следственная связь — это главное, то в этом опыте причинно-следственной связи есть непосредственное знание о причине, которая на меня влияет. Например, если бы Райан встал, и я бы ударил его по челюсти, он бы непосредственно осознавал причину, которая на него влияет.

Итак, на этой основе мы имеем непосредственное знание о существовании реального объекта. Вот почему он может быть реалистом. Видите ли, в отличие

от Дэвида Юма, который утверждал, что мы знаем только постоянные конъюнкции, он доказывает, что мы испытываем причинно-следственные связи.

Юм ошибается. Юм споткнулся на ошибочном представлении о первенстве презентационной непосредственности. Видите ли, с таким громким названием, казалось бы, он мог бы это заметить.

Но нет. Он был настолько зациклен на локковском образе мышления. Это осознание причинно-следственной эффективности не имеет ничего общего с постоянными конъюнкциями.

Сколько раз Райана нужно ударить по подбородку, чтобы он это осознал? Одного, скорее всего, будет достаточно. Мгновенность удара. А затем следует мгновенная реакция окружающих.

В голову приходит идея. Конечно, нет никакой гарантии, что она верна. Вы и так всё знаете.

Утром вас будит звонок, вы хватаете будильник и говорите: «Привет». У вас неправильное представление о ситуации. Но у вас есть идея.

Таким образом, непосредственность представления информации дает вам гипотетическую идею. Никаких гарантий. И ваша задача — взять эту идею и соотнести ее с причиной стимула.

Обратите внимание, что идея не является изображением, копией. Это символ. Откуда он взял этот язык? Прямо от Брэдди.

Видите ли, Брэдди в своей критике традиционного эмпиризма говорил, что идеи — это не копии, не представления. Это символы, которые мы используем, размышляя о вещах. Таким образом, мы берем идею и используем ее как символ, ссылаясь на нее.

Таким образом, мы обладаем косвенным знанием сущности объекта. Сущность — это то, что он есть. Существование — это то, что он есть.

Итак, у вас есть непосредственное осознание того, что что-то существует, косвенное осознание того, что это такое. Теперь обратите внимание на то, что еще входит в эту тройную составляющую. Что именно в этих трех составляющих является причиной перцептивного опыта? Каковы причины, каковы факторы, создающие этот опыт восприятия? Во-первых, существуют объективные данные, объективные данные, которые влияют на текущее состояние сознания.

Итак, если хотите, мои мечтания нарушаются этими причинно-следственными закономерностями. Причинно-следственные стимулы — это объективные данные, которые причинно влияют друг на друга. Во-вторых, по мере развития идей, это то, что он называет вечными возможностями.

Что это? Это телефон звонит в такое позднее время суток. Вы говорите, что это возможно. Вы ошибаетесь.

Это будильник. Но эти идеи — всего лишь предположения, которые приходят в голову. А мир полон самых разных возможностей.

Объективные, логические возможности, которые приходят вам в голову. И, наконец, есть третий фактор, который делает восприятие полным. Решение.

Итак, вы здороваетесь и понимаете, что ошиблись в своем решении. Но решение, видите ли, заключается в выборе из вечных возможностей, из всего спектра возможностей, предложенных стимулом. Вы выбираете из этого и следуете ему.

И может оказаться, что используемый вами символ для обозначения чего-либо действительно подходит. А может, и нет. Но с опытом вы начинаете понимать, какой символ вам нужен, что действительно работает.

Я сказал, что перцептивный опыт — это его парадигматическое событие. Событие перцептивного опыта. Прекрасно.

Его мысль заключается в том, что в каждом опыте, в каждом событии, во всем космическом процессе, во-первых, присутствует причинно-следственная связь. Реальный причинно-следственный процесс. Во-вторых, происходит рассмотрение возможностей, которые представляются разуму как возможности, идеи.

У меня есть идея. Что такое идея? Это возможность. Что это происходит? Ну, у меня есть идея.

Возможность. И в процессе принимается решение, в результате которого бросается жребий, и вы выбираете один из вариантов. Теперь вы можете изобразить это схематически, в более общем виде.

Представьте это в виде схемы. Вот процесс до этого момента. На этом этапе происходит некоторое причинно-следственное вмешательство.

Хорошо. В результате сходятся всевозможные вечные возможности, которые можно было бы предположить на основе такого причинно-следственного

анализа. Таким образом, из неопределенного числа возможностей есть несколько, которые актуальны в данном конкретном случае .

И на основании этих данных принимается решение. Видите ли, с учетом этих возможностей, вы могли бы двигаться в этом направлении. Возможности один, два, три.

Вы могли бы пойти в этом направлении. Вы могли бы пойти в этом направлении. Вы могли бы пойти в этом направлении.

В соответствии с различными вечными возможностями. И, выбрав второй вариант, полным ходом двигаемся в этом направлении. Таким образом, в каждом событии космического процесса всегда присутствуют три составляющих элемента.

Объективные причинно-следственные предпосылки . Внутренние возможности. Да, естественный процесс полон возможностей как для добра, так и для зла, он наполнен оценочными суждениями .

Да. Итак, у вас есть объективная причинно-следственная связь, у вас есть вечные возможности, и, в-третьих, у вас есть решение. Теперь, если вы сможете это понять, Уайтхеду будет легко.

Видите ли, основной вопрос Уайтхеда: каков источник этих вечных возможностей? И поскольку я уже намекнул, что он ищет доктрину Лагоса, то каков же источник? Бог, Лагос. Который не является творцом ни в каком смысле XD, привет. Бог не является причинной силой.

Бог — всего лишь упорядочивающий фактор , провидение, Лагос. Видите ли, поэтому он не теист. Разве он деист? Нет, деист даже творит.

Значит, он не теист, он не деист. Он пантеист? Нет, потому что существуют и другие события, помимо высшего события, которым является Бог. А кто он? Это Уайтхед.

Видите ли, он не вписывается ни в какие классификации. Да, позвольте мне сделать паузу. Понимаете, что он делает? Вы обнаружите, что эти три элемента, я бы сказал, играют важную роль во всей его метафизической схеме; объективные данные — это просто другие события.

Другие пространственно-временные события, которые причинно влияют на нынешнее состояние этого потока. Таким образом, происходит пересечение двух причинно-следственных потоков. Эти вечные возможности он называет вечными объектами.

Не объекты в смысле субстанции, а в смысле объектов мысли, идей. Идеи — это объекты мысли, объекты мысли. Это вечные объекты.

События он иногда называет реальными сущностями. Таким образом, его метафизика — это метафизика реальных сущностей, включающая в себя пространственно-временной процесс. С вечными объектами, которые являются логическими возможностями того, что могло бы быть, и решениями, которые объясняют индивидуальность вещей.

Что делает это индивидуальным восприятием, особым восприятием? Видите ли, что делает вашу жизнь вашей индивидуальной жизнью? Ну, в этом потоке есть решение, решение, решение, решение. Решение, которое в каждом случае приносит то, что он называет удовлетворением, не обязательно эмоциональным удовлетворением, но в том смысле, что причинный стимул каким-то образом ассимилируется в самосознание. Таким образом, он становится неотъемлемой частью продолжающейся индивидуальности.

Таким образом, этот процесс включает в себя отдельные элементы, причинно связанные друг с другом. Если хотите, отдельные подпроцессы причинно связаны друг с другом. Из всего этого открывается простор для самых разных возможностей, творческих возможностей.

Лишь некоторые из них реализуются. А некоторые реализуются благодаря принятым решениям, благодаря которым определяются направления вашего индивидуального развития. Именно такие события представляют собой парадигму, и именно здесь мы можем понять градуализм.

Потому что, хотя на уровне восприятия это осознанное действие, и вы осознаёте все три этих аспекта, на других уровнях реальности это может быть неосознанным. Таким образом, существует низкоуровневый аналог решения, которое не является осознанным, в котором никто не принимает решения, но это точка отсчёта, в которой в совокупности событий определённая вероятность является несомненной. Пример.

В ту прекрасную погоду, которая стояла на позапрошлой неделе, мои нарциссы, нет, мои тюльпаны, простите, мои луковицы тюльпанов, высаженные рядами на клумбе на заднем дворе, буквально выросли до такой высоты. И мои мысли были полны возможностей для буйства красок на несколько недель раньше, чем когда-либо прежде в этом сезоне. Конечно, теперь мне пришли в голову и другие идеи.

Но в процессе развития моих тюльпанов было множество вариантов. Но затем настал решающий момент — похолодание на прошлой неделе. Из-за него мои тюльпаны замерзли, и сейчас они вялые, мертвые, склонились к земле.

Теперь такая возможность существовала с самого начала. А решающим моментом стал сильный мороз, когда ночью температура опустилась до десяти градусов. Мои весенние тюльпаны уходят.

И у вас там всё то же самое. У вас есть данный процесс, в котором на них влияют всевозможные объективные данные. И в зависимости от этих объективных данных, на них может влиять целый ряд возможностей.

Сейчас с тюльпанами всё гораздо более предсказуемо, чем с осознанными решениями, которые принимаем мы с вами. Он не говорит, что решение для тюльпанов было свободным. Но он говорит, что неделю назад оно было неопределённым и являлось результатом стечения обстоятельств.

Вот и всё. Так что это происходит в каждом случае. Такова природа процесса.

Извините, мы немного превысили отведенное время . Хорошо, мы это исправим в следующий раз.